

Теория и методология славянского языкознания

Прототипический подход при лексикографической параметризации семантики русских синонимов

Л. Г. Бабенко

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Лексикография, идеографический словарь, синонимы, семантика, прототипический подход

Summary. The report states the experience of using the methods of cognitive linguistics, especially those of prototype approach in lexicographic practice, e. i. in making a Great explanatory dictionary of the Russian speech synonyms. For the first time in Russian lexicography with the use of one formalized model the typical semantics of synonymic rows of words is shown (lexicographical zones "Semantic idea" and "Prototype"). Also it shows an individual lexical semantics of each synonym, the member of the synonymic row of words.

Коллектив Уральской семантической школы в настоящее время работает над созданием Большого толкового словаря синонимов русской речи. Издан первый том словаря (Большой толковый словарь синонимов русской речи. Идеографическое описание. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. — 784 с.), ведется работа над созданием еще трех томов. Разработана концепция нового словаря синонимов с учетом достижений теоретической лексикологии, теоретической и практической лексикографии — прежде всего системно-идеографического изучения лексики, а также достижений когнитивистики, прежде всего тех, которые связаны с выявлением закономерностей языкового воплощения знаний о мире и отображения их в национальных языковых картинах мира (см. работы Н. Д. Арутюновой, В. З. Демьянкова, Е. С. Кубряковой, Ю. С. Степанова и др.), без учета которых невозможно адекватное лексикографическое воплощение синонимической картины мира.

В структуре словарных статей этого словаря есть семантическая часть, в которой по определенной формализованной модели дается толкование типовой семантики, свойственной синонимическому ряду в целом, и индивидуальной семантики каждого слова-члена синонимического ряда, а также есть репрезентативная часть, в которой приводятся списки близкородственных синонимических рядов, указываются соотносительные с описываемым синонимическим рядом слов антонимы и фразеологизмы. При лексикографическом описании семантики синонимов используется комплекс методов, основанных как на традиционном представлении о лексическом значении (структурно-семантический подход), так и на новом представлении о нем (когнитивный подход, теория прототипов).

В словарной статье каждого синонимического ряда имеется три словарные зоны, предназначенные для лексикографической параметризации семантики синонимического ряда слов, при этом толкование типовой семантики синонимического ряда в целом и индивидуальной лексической семантики членов СР слов осуществляется по-разному.

Для репрезентации типовой семантики синонимического ряда в словарной статье имеется две словарные зоны: Семантическая идея (1) и Прототип (2), а индивидуальная лексическая семантика синонимов описывается в словарной зоне «Семантические сходства и различия». В данном докладе основное внимание уделяется освещению принципов лексикографирования типовой семантики синонимического ряда слов в целом в вышеуказанных словарных зонах.

Семантическая идея — это сформулированная в обобщенном виде типовая семантика, характерная для всех членов синонимического ряда слов, которая подается передающей самые существенные знания о соответствующем отображаемом предмете, признаке, процессе и др. Она фактически представляет собой категориально-лексическую семантику синонимов одного синонимического ряда слов, обуславливая их семантическое тождество и включение в одну семантическую парадигму слов. Например, в синонимическом ряду с доминантой **скука** (скука, печаль, уныние, *разг.* скукота, *разг.* скучища, *разг.* тоска, *разг.* тощища, *разг.-сниж.* тяготища) семантическая идея формулируется следующим образом: *гнетущее, тягостное чувство,*

состояние душевного томления, вызванные бездельем, отсутствием интереса к окружающему, действующие на человека разлагающе, атрофируя его способность реагировать на события окружающей действительности. Семантическая идея фактически представляет собой категориально-лексическую семантику синонимов одного синонимического ряда слов, обуславливая их семантическое тождество и включение в одну семантическую парадигму слов. Вследствие этого далее в словарной зоне «Семантические сходства и различия» семантическая идея, являясь ядерной частью лексического значения синонимов, обычно включается в их словарные дефиниции, репрезентируясь либо свернуто — словом-доминантой ряда, либо развернуто, аналитически. Например:

СКУКОТА. *Разг. Сильная скука.*

ТОСКА. *Разг. Гнетущая, томительная скука, возникающая обычно при полной праздности, полном отсутствии какой-либо новой, интересной информации, охватывающая человека целиком, способная вызвать отвращение к жизни, размышления о смерти; обычно владеет человеком длительное время; этому состоянию трудно противостоять.*

Зона **Прототип** предполагает семантизацию всей совокупности семантических признаков, репрезентируемых компонентами синонимического ряда слов, которые обобщаются и предстают в виде совокупности когнитивных признаков, свойственных компонентам синонимического ряда слов. Например, прототип скуки описывается в словаре так: *гнетущее, тягостное чувство, состояние душевного томления, подавленности, овладевшие целиком кем-либо или царящее где-либо; обусловлены бездельем, отсутствием интереса к окружающему, однообразием обстановки, действуют на человека разлагающе, атрофируя его способности реагировать на события окружающей действительности. Причина этого чувства, состояние видится человеку исключительно в окружающей жизни, жизненных обстоятельствах, лишаящих его воли, интереса к жизни, способности к умственным и прочим усилиям. Внешне проявляются в застывшем взгляде, поникшей фигуре, в общей пассивности, малоподвижности и нежелании общаться, ассоциируются обычно с зеленым или серым (зеленая, серая тоска) цветом, с чем-то тяглым, давящим на человека (гнетущая тоска, тоска наваливается, давит).*

В словаре прототип понимается как типичный представитель категории: это мысленный образ, принадлежащих одной категории, с помощью которого человек воспринимает, познает действительность. Он осмысливается как совокупность когнитивных признаков. Главное условие, которое должно неукоснительно соблюдаться, — это оптимизация прототипа синонимического ряда по параметрам, существенным для описываемой категории и отражающим регулярные аспекты лексического варьирования внутри синонимического ряда слов относительно его доминанты. Так, для членов синонимических рядов, относящихся к отображению эмоций, такими регулярными параметрами (основными аспектами семантической конкретизации) являются следующие: аспект причины, источника этого эмоционального состояния, аспект временной длительности, аспект внешне-го проявления состояния, аспект последствий этого состоя-

ния для субъекта-носителя его (см. вышеприведенный пример). Подобный подход позволяет при лексикографической параметризации синонимов внутри одного синонимического ряда включать в прототипическую семантику и те признаки, которые различают синонимы внутри ряда.

Категориальные транспозиции в ракурсе семантического мышления (к проблеме взаимоотношения языка и мышления)

В. Ф. Васильева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Транспозиция, семантическое мышление, мыслительное содержание, межъязыковая функциональная асимметрия

Summary. Cases of transposition of verbal morphological categories are considered from the point of view of lingual thinking. The regularity of transpositional processes is established, peculiarities of lingual thinking are made known on the basis of Slav languages, the reasons of inter — lingual functional assimetry of grammatical categories are explained.

0. В докладе анализируются случаи транспозиции глагольных морфологических категорий в плане объективации грамматическими формами мыслительного содержания. Устанавливаются семантико-грамматические условия транспозиции на материале родственных языков, выявляются причины межъязыковой функциональной асимметрии.

1. **Понятие «семантическое мышление».** Семантическое (языковое) мышление определяется нами, вслед за П. В. Чесноковым и А. Т. Кривоноговым, как «оречевлённое мышление», т. е. как собственно языковая интерпретация мыслительного содержания. Семантическое мышление представляет собой взаимодействие двух составляющих — универсальной (логической) и индивидуальной (языковой) систем. Универсальный параметр семантического мышления обусловлен тем, что каждый язык репрезентирует законы общечеловеческого мышления — законы логики. Специфика семантического мышления объясняется своеобразием системы каждого отдельно взятого языка. Так, в частности, понятия субстанции и признаков субстанции в русском языке, как и в других славянских, воспроизводятся дифференцированно. В противоположность дифференцированной объективации, например, в английском языке требуются дополнительные языковые средства для их представления. Ср.: *home 1. дом, 2. домашний; dress 1. платье, 2. одевать; dream 1. сон, 2. сниться* и т. п. Если в русском языке имеют широкое распространение безличные предложения, то в английском языке, в силу специфики языковой системы, обычно воспроизводится субъект, который часто имеет лишь исключительно формальные признаки. Ср.: *Жарко — It is hot. Душно — It is stuffy. Никогда нельзя сказать — You can never tell. Здесь нельзя курить — One must not smoke here* и т. п. Языковая функциональная асимметрия характеризует не только генетически далёкие языки, но и языки родственные. Подтверждением сказанного служат, в частности, и результаты транспозиции морфологических категорий в славянских языках.

2. **Семантико-грамматические условия транспозиции и задачи транспонируемых форм.** Категориальные транспозиции, т. е. использование морфологических форм одной категории в функции морфологических форм другой категории, реализуются при выполнении ряда условий. Транспонированная форма на структурном уровне сохраняет инвариантное значение исковой категории. При этом сам семантический объём транспонированной категории в той или иной степени модифицируется. Взаимодействие, точнее говоря, сосуществование разных категориальных смыслов порождает определённые волевые оттенки, которые получают выражение в экспрессивности, образности, наглядности репрезентируемого мыслительного содержания. Например, при транспонировании формы императива в условное наклонение, хотя и ослабляется значение побудительности, структурная форма императива сохраняет семантический признак субъективного отношения говорящего к действию, благодаря чему и актуализируется высказывание: *Что ни говори, я бы это сделал*. При транспозиции презенса индикатива в область презенса исторического сохраняется инвариантное значение презенса индикатива — протекание действия в момент высказывания. Но вместе с тем временная

В докладе на большом фактическом материале показывается тенденции формирования прототипической семантики синонимических групп, репрезентирующих различные категории и отображающих, соответственно, различные сферы бытия.

точка отсчёта смещается в прошлое. Сопряжённостью разноуровневых временных смыслов достигается наглядность и экспрессивность произошедших событий: *Иду я вчера по улице и вижу...*

3. **Причины межъязыковой функциональной асимметрии транспонируемых морфологических форм.** При категориальном транспонировании обнаруживается весьма широкая палитра структурной асимметрии морфологических категорий. Речь идёт в данном случае о контекстуальных функционально-семантических эквивалентах, т. е. морфологическая форма приобретает то или иное значение только в условиях широкого контекста. Видятся две основные причины межъязыковой функциональной асимметрии. Во-первых, утрата одним из родственных языков функционирующей изначала морфологической формы. Во-вторых, относительная произвольность функционирования языкового знака. Так, например, в современном чешском языке, в отличие от русского, нет неизменяемого императива, который функционировал в древнечешском языке. В связи с этим функционально-семантическими эквивалентами транспонированных форм императива в русском языке в формы индикатива оказываются формы сослагательного наклонения в чешском. Ср.: *Вы веселитесь, а я сижу дома. — Vy se veselíte, a já abych seděl doma. Вы идёте в кино, а я пишу и читаю. — Vy jdete do kina, a já abych psal a četl.* Подобная транспозиция характерна и для словацкого языка. Условная произвольность функционирования языкового знака заключается в том, что при наличии нескольких возможных форм языковому социуму как бы предоставляется выбор одной из них. Речь идёт в данном случае о языковом узусе. Например, в русском, в чешском и в словацком языках функционирует императивный инфинитив: *Cadněte! — Sedněte si! Молчать! — Mlčet!* При выражении желательности в русском разговорном языке часто употребляются формы императива, но не формы инфинитива. В западнославянских языках, наоборот, предпочтение имеют формы инфинитива. Ср.: *Имей я деньги, поехал бы на море — Mít peníze, jel bych k moři. Знай я это, туда бы не пошёл. — Vědět to, tam bych nešel.* Анализ обширного материала транспонированных морфологических форм наглядно демонстрирует национальную специфику семантического мышления, подтверждая известное высказывание А. А. Потёбни, что «языки различны между собой не одной звуковой формой, но всем строем мысли, выразившимся в них». Таким образом, общечеловеческие формы мышления сосуществуют со структурами, национальными по своему характеру.

Литература

- Кривоногов А. Т. Система классов слов как отражение структуры языкового сознания. М.: Нью-Йорк, 2001.
 Молошная Т. Н. Типология некатегориальных значений грамматических категорий в славянских языках // Типология грамматических систем славянского пространства. М., 2006.
 Чесноков В. П. Логические и семантические формы мышления как значение грамматических форм // Вопросы языкознания. 1984. № 5.
 Широкова А. Г. Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных языков // Сопоставительное исследование грамматики и лексики русского и западнославянских языков. М., 1998.

Славянские грамматики в современной лингвистической парадигме

М. В. Всеволодова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Жизненные потребности, в том числе прикладные направления лингвистики (высокие технологии, машинный и синхронный перевод, обучение славянским языкам как иностранным) требуют решения таких вопросов, какими теоретическая лингвистика часто не занимается. Наш опыт и практика показывают, что для адекватного решения встающих перед нами задач нам нужно гораздо более полное представление о наших языках, нежели существующее ныне. Нам нужно представление о системах и системности каждого из славянских языков во всей его полноте. Для многих славянских языков существуют грамматики, созданные на материале, в первую очередь, языка художественной литературы. Этот стиль языка при всем его совершенстве в плане количественного состава языковых средств на много порядков беднее языка всенародного общения. Наш опыт ра-

боты в рамках преподавания русского языка как иностранного, с одной стороны, и собственно лингвистические исследования на материале славянских языков показал, что сформировавшаяся в рамках этого направления функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка адекватно работает и на собственно теоретическом уровне. Выяснилась необходимость сбора и осмысления всего объема языкового материала в каждом языке, с одной стороны, и выветление языковых фактов каждого языка в зеркале других славянских языков. Проработанный нами материал позволяет представить такие системные отношения и выявить такие механизмы языка, которые до сих пор объектом наших грамматик не были, оставив за пределами грамматического описания колоссальную языковую базу. Конкретный языковой материал будет приведен в докладе.

Глобальные тенденции современной письменной речи (на материале текстов российской электронной коммуникации)

Н. Д. Голев

Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

Аннотация. Доклад посвящен выявлению и описанию базовых тенденций в развитии современной письменной речи, которые обнаруживаются в сфере массовой электронной коммуникации и которые составляют фундаментальную оппозицию традиционным формам письменной коммуникации. Среди таких тенденций в докладе рассматриваются холистические, иероглифические, перлюктивные тенденции.

Развитие письменной коммуникации на современном этапе ее развития во многом определяется активностью виртуальных средств общения. Интернет, скайп, смс, аудиокниги, презентации, дистанционное обучение — активно включены в социальную жизнь, прежде всего в жизнь молодого поколения. Они интенсивно вторгаются в прежнюю систему письменной коммуникации, конкурируя с ее традиционными формами и заставляя их изменяться. Конкуренция осуществляется и внутри новых форм. Все эти процессы протекают на наших глазах, и задача лингвиста их зафиксировать, описать и интерпретировать. В представлены некоторые результаты такого описания.

Сдвиги в современной письменной коммуникации.

- **КОГНИТИВНЫЕ** (элементы новой письменной ментальности):
 - тенденция к холистическому представлению коммуникативного содержания, тесно увязанная с усилением визуального канала передачи информации;
- **КОММУНИКАТИВНЫЕ**:
 - усиление дискурсивных тенденций письменной речи,
 - усиление перлюктивных тенденций письменной речи;
- **СЕМИОТИЧЕСКИЕ**:
 - конкуренция звуковой и визуальной форм речи представляет собой способ (**внутреннюю форму**, структуру) современной коммуникации,
 - конкуренция звуковой и визуальной детерминант внутри письменной речи;
- **ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ (внешняя форма коммуникации)**: от бумаги — к электронному носителю, от ручного написания к клавишно-клавиатурному, увеличение скорости записи, расширение возможностей получения и передачи текстов на расстоянии и по количеству адресатов (спам — форма распространения информации, максимальным образом эксплуатирующая эту возможность).

Антиномия холистических и элементаристских тенденций. Холистическое письмо — это примат целого над частями, невыводимость целого из суммы частей. Это — в психологическом плане — «видение» целого письменного произведения до расчленения его на части, в когнитивном плане — схватывание его **смысла** без суммирования смыслов его частей. Современное **массовое метаязыковое мышление**, как школьное, так и повседневно-бытовое — сформировано элементаристскими стратегиями, восходящи-

ми к процессу начального **обучения** письменной речи, но никак не к реальному письменно-речевому поведению взрослых носителей русского языка (пишущих и читающих), каковым являются, в частности, скоропись, скороотечение, чтение «про себя».

Семиотические следствия обусловлены сдвигом в соотношении звуковой и письменной речи, в частности двух разновидностей письма:

- письма, обусловленного звуковой речью, передающего звучание речевого произведения;
- письма, «обходящего» звуковой субстрат и отражающего непосредственно мир идей и мыслей.

При таком «афонетизме» роль звуко-буквенного алгоритма неизбежно уменьшается. В этом случае есть основания говорить о тенденции к **иероглифизации** (в широком смысле этого термина), осуществляющейся в неразрывном единстве с холистической тенденцией письменной речи. Ее проявления, в частности, редукция звуковой стороны письменной речи, весьма разнообразны. Не предполагают озвучивания и многочисленные «иероглифы» научного текста, как простые типа аббревиатур, так и сложные типа технических инструкций, планов-схем, диаграмм и т. п. Своеобразное развитие иероглифического письма находим в таких новациях современной коммуникации, которые можно назвать **модульной (блочной) формой** передачи информации. Она активно в комиксах, рекламе, интерактивном обучении, когда нажатием одной кнопки воспроизводится целая «картинка (клип)». Разумеется, такие формы имеют место не только в профессиональной коммуникации, их истоки обнаруживаются в различных формах естественной письменной речи, например, в граффити, в объявлениях, записках (см.: [Лебедева, Зырянова и др. 2011]). Они могут быть текстовым «клипом» или креолизованным модулем.

Холистические возможности визуально-письменного канала с помощью таких клиповых единиц более сильные, чем канала фоно-аудиально-письменного. «Звуковая» лекция и лекция-презентация является хорошим примером конкуренции данных каналов. Причем нередко эта конкуренция происходит непосредственно в речевом акте, когда студент имеет выбор формы «считывания» информации: списывать текста с экрана или записывать «со слуха». Возникает принципиальный вопрос: презентация с широким письменным представлением текста, обширным цитированием — это

визуальное подкрепление звучащей речи докладчика или, напротив, — озвучивание письменного текста? Если письменное представление текста на экране первично — то получается, что лекции читает студент, а не лектор. Такая конкуренция повсеместна. Онлайн-конференции в Интернете и очные форумы, прослушивание или чтение тезисов; при использовании скайпа и мобильного телефона есть возможность перейти от звукового общения к письменному и наоборот.

Наблюдения за новыми явлениями в письменной речи показывают, что ее отношение в звуковой составляющей двоякое и противоречивое. С одной стороны очевидны проявления редукции звуковой стороны речи, с другой, ярко видно стремление к ее усилению воспроизведению на письме. Другая тенденция, напротив, проистекает из потребности максимально сохранить звучащую (и не только звучащую, но «действительную» вообще) наполняет фонетические элементы особыми смыслами, которые мы квалифицируем как **дискурсивные**. Конкуренция названных форм письма ведет не к вытеснению «слабого противочлена», а перераспределению функций на основе преимуществ каждой из форм. Ср. один из многих примеров графической речи, стремящейся отразить звучащую речь, в современном молодежном онлайн-общении.

Первый — Аааа! Мега перец! Братишка Пен-Пен!
a2kat — Молодцом держался! Любой бы оторопел при виде «Беиеных Анимешников»^{^^}
Alucard — Гггг «Организатор» бли) Следующий раз сам всех соберёш) А то Нкс уже устала угрожать всем^{^^}.

Преимущества звуковой речи заключены в больших возможности представления **дискурса**, под которым мы понимаем речь в действительности, речь не абстрагированную от внешних условий ее протекания (фоновая ситуация, объект и субъект, наблюдатели, непосредственное воздействие и т. п.). В условиях экспансии визуальной коммуникации в ней, с одной стороны, теряются некоторые возможности передачи непосредственного (в частотности, суггестивного) содержания, но, с другой стороны, живая письменная речь стремится их, во-первых, тем или иным способом сохранить (передать с максимальной точностью дискурсивные особенности звучащей речи), а во-вторых, изыскать свои собственные возможности для передачи субъективно-модальных смыслов (смайлики — яркая иллюстрация последних).

Литература

Лебедева Н. Б., Зырянова Е. Г., Плаксина Н. Ю., Тюкаева Н. И. Жанры естественной письменной речи. Студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка. М., 2011.

Сдвиги в микросистеме транскомуникативных конструкций (на материале русского языка)

М. Я. Дымарский

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Синтаксис, транскомуникативные конструкции, оптимизация

Summary. An entirely new explanation of the well-known process of the correlative words expansion in deliberative type of object subordinate clauses is proposed. The process is being interpreted as a part of optimization of the transcommunicative constructions microsystem.

Транскомуникативными будем называть конструкции, позволяющие говорящему передать содержание своих или чужих мыслей, речей, речевых поступков, чувств, описать их и т. д. К ним относятся простые предложения с делиберативным дополнением, конструкции с прямой речью, сложноподчиненные предложения (СПП) с изъяснительным придаточным, местоименно-соотносительные СПП вмещающего типа, бессоюзные предложения соответствующей семантики, предложения с вводным компонентом. Нас будет интересовать часть микросистемы транскомуникативных конструкций (ТКК): мы не рассматриваем элементарные конструкции (с делиберативным дополнением) и конструкцию с прямой речью (в отличие от нее, все остальные принадлежат моносубъектной речи).

Обращение к микросистеме ТКК связано с попыткой осмыслить актуальный процесс, многократно отмеченный русистами в течение последних десятилетий. Речь идет о массивном проникновении т. н. соотносительных слов в главную часть изъяснительного СПП, часто ведущее и к речевым ошибкам: *Я официально, причем уже не в первый раз, заявляю то, что повышение тарифов не проводилось...* (Выборгские ведомости; 02.06.2006). Известно, что такое употребление соотносительных слов факультативно и (в норме) диктуется дополнительными факторами. Однако в узусе оно приобрело настолько массовый характер, что складывается впечатление, будто в стихийном языковом сознании оно воспринимается как обязательное; если это так, то стирается важнейшее различие между изъяснительными СПП и СПП вмещающего типа (ведь только в последнем соотносительное местоимение в главной части является обязательным, несущим элемент конструкции). В пределе эта тенденция может привести к поглощению изъяснительных СПП вмещающими предложениями.

«Внутриконструкционные» причины этого процесса описаны в [Дымарский 2008]. Но дело, по-видимому, не только в них, но также в причинах, которые лежат за пределами самой конструкции. Именно в этом аспекте приобретает актуальность тот факт, что обе конкурирующие модели принадлежат к микросистеме ТКК.

Смысл интересующего нас процесса может проясниться, если сравнить, как он выглядит с позиций традиционной грамматики — и с позиций «грамматики говорящего» (Б. Ю. Норман).

С позиций традиционной грамматики, в синтаксической системе имеются следующие 4 неэлементарных ТКК моносубъектной речи:

- 1) СПП с изъяснительным придаточным;
- 2) местоименно-соотносительное СПП вмещающего типа;
- 3) бессоюзное сложное предложение;
- 4) предложение с вводным компонентом.

С позиций «грамматики говорящего», однако, в распоряжении говорящего (пишущего) имеются не 4, а 5 неэлементарных ТКК моносубъектной речи:

- 1) изъяснительное СПП **без соотносительного слова** в главной части (*На педсовете директор сообщил, что школу выдвигают на соискание премии*);
- 2) изъяснительное СПП **с соотносительным словом** в главной части (*На педсовете директор сообщил о том, что школу выдвигают на соискание премии*);
- 3) местоименно-соотносительное СПП вмещающего типа (*Учителя потрясены тем, что школу выдвигают на соискание премии*);
- 4) бессоюзное сложное предложение (*На педсовете директор сообщил: школу выдвигают на соискание премии*);
- 5) предложение с вводным компонентом (*Школу — на педсовете сказали — выдвигают на премию*).

Разные перечни — это не полемическая уловка. Для говорящего (1) и (2) в последнем перечне — это действительно разные типы конструкций. Первые **нейтральны** и составляют ядро микросистемы (т. н. конструкции с чужой речью). Вторые ближе к вмещающим: и в (2), и в (3) есть соотносительное слово, указывающее на наличие специфицирующего знания и снимающее синтаксическую неполноту. Два этих типа (2 и 3) осознаются как максимально полные и преимущественно **книжные**. Бессоюзные же конструкции сближаются с ТКК (5); не случайно в устной неподготовленной речи разграничить их не всегда возможно: *Директор на педсовете говорил / школу выдвигают на премию*.

Таким образом, микросистема ТКК предоставляет в распоряжение говорящего две конструкции, тяготеющие к книжности, и две — тяготеющие к разговорности:

книжность	нейтральность	разговорность
2	3	1
		4
		5

Чем шире выбор — тем труднее сделать его. Неудивительно, что система, предоставляющая говорящему столь широкий выбор, подвергается оптимизации, суть которой сводится к её упрощению, а механизм — к стиранию различий внутри групп ТКК (2, 3) и ТКК (4, 5). (Исторические примеры подобных процессов общеизвестны.) Тот факт, что в узусе употребление изыскательных СПП с соотносительным словом подвергается унификации, сближающей их с вмещающими предложениями, а бессоюзные конструкции, в свою очередь, сближаются с осложнёнными вводными /

вставными компонентами, — может быть интерпретирован как **поляризация микросистем неэлементарных транскоммуникативных конструкций**, предельным результатом которой может стать слияние (2) с (3) и (4) с (5), то есть превращение пятикомпонентной системы в трехкомпонентную. Внутрисистемная цель этого процесса, повторим, — оптимизация микросистемы, упрощение её использования говорящим.

Литература

Дымарский М. Я. Функционирование соотносительных слов в изыскательных конструкциях // Словоупотребление в лексикографическом аспекте: Коллективная монография / Под ред. С. Г. Ильенко. СПб., 2008. С. 84–117 [Электронный ресурс: http://dymarsky.mylivepage.ru/file/1647/4846_Соотн. слова в изыск. констр.pdf].

Игровые стратегии в современных коммуникативных практиках

О. С. Иссерс

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Аннотация. В фокусе исследования находятся игровые тенденции в современных коммуникативных практиках. Одним из приемов реализации игровой тенденции является рефрейминг, который традиционно используется для создания комического эффекта. Прием рефрейминга лежит в основе создания демотивационных постеров — лингвокогнитивной игры, распространенной в Интернете 2000-х гг.

Ежедневные коммуникативные практики составляет основу социальной жизни, и в них отражаются существенные изменения, происходящие в обществе и, в частности, в дискурсе. Значительная часть обыденных коммуникативных действий имеет дискурсивный характер. Для современной лингвистики обращение к так называемой «речевой повседневности», то есть к типичным и поэтому почти не замечаемым нами дискурсивным действиям и событиям, методологически значимо. «Наиболее важные для нас аспекты вещей, — писал Л. Витгенштейн, — скрыты из-за своей простоты и повседневности. (Их не замечают, потому что они всегда перед глазами.) Подлинные основания их совсем не привлекают внимания человека. До тех пор, пока *это* не бросится ему в глаза. Иначе говоря, то, чего мы (до поры) не замечаем, будучи увидены однажды, оказывается самым захватывающим и сильным» [Витгенштейн 1994: 129]. Подобная установка («фондовый» характер и «раскрывающая» способность дискурсивных практик) характерна для большинства исследований в рамках дискурсивной парадигмы.

Исследования коммуникативных практик обычно представляют собой определенные техники «поверхностного» анализа, сводящие априорные конструкции к минимуму. Ведь нечто может требовать прояснения не только и не столько в силу того, что оно является скрытым, а наоборот, в силу принципиальной несокрытости, близости или даже тривиальности. Практики принципиально несокрыты, но для того, чтобы их рассмотреть, требуется определенная техника описания и интерпретации.

Понимание коммуникативной практики так же, как и любой другой социальной практики, базируется на ее осмыслении как деятельности и социального опыта, данного в непосредственном наблюдении. Изменяясь, существующие практики получают новые возможности «речевого исполнения», переносятся в другие контексты и приспособляются для решения новых задач. Таким образом формируются новые дискурсивные практики.

Поскольку ни один тип дискурса не является замкнутым и завершённым, интерес представляют те изменения, которые отражают дискурсивные практики последнего времени.

Исследование новых дискурсивных практик показывает, какие реальные изменения происходят в современной речевой коммуникации. Ведь именно отличия, замечаемые невооруженным глазом, стимулируют рефлексию по поводу того, что требует взгляда «теоретически вооруженного».

К числу наиболее очевидных параметров, формирующих новую дискурсивную практику, относятся технически или социально новый коммуникативный канал или носитель информации (SMS-сообщения; скамейки, лестницы и дру-

гие объекты окружающей среды как рекламный носитель; билборды, используемые для размещения частных сообщений и т. п.), а также изменение установки, модальности, или, как определял Н. Фэркло, дискурс-строга.

Анализ различных сфер современной речи показывает, что многие дискурсивные новации объединены общей установкой на «несерьезное общение», или **игровой стратегии**. Игровая интенция объединяет большое количество текстов, порожденных в условиях общей дискурсивной практики. В современной коммуникации стремительно расширяется не только пространство игрового общения, но и спектр приемов, актуализирующих игровые функции языка.

С этих позиций в докладе будет рассмотрено новое дискурсивное явление, получившее распространение в Интернете в начале 2000-х гг., — демотивационные постеры (**демотиваторы**). Они размещены в сети Интернет в виде своеобразных «коллекций», которые, на первый взгляд, предназначены исключительно для развлечения (www.rusdemotivator.ru; www.demotivators.net; www.demotivations.info и др.). Однако за их «простотой и повседневностью» скрываются весьма интересные социально-дискурсивные феномены.

По сути, в основе создания комического эффекта демотиватора лежит прием рефрейминга, традиционно используемый в анекдотах, шутках, афоризмах.

Применительно к речевой коммуникации **рефрейминг** обнаруживается в различных приемах изменения ситуативно ожидаемых речевых действий, в отказе от типовых фреймов и сценариев.

Можно сказать, что процесс рефрейминга основан на отрицании базового фрейма («это не то, что вы думаете») и эффекте обманутого ожидания.

В создании демотиватора операция рефрейминга строится по схеме: первичная интерпретация визуального образа (1), подкрепление ее вербальным кодом (2), предложение неожиданной интерпретации темы через комментарий (3), вторичная интерпретация визуального компонента (4). Таким образом, рефрейминг осуществляется за счет возможностей вариативной интерпретации как визуального, так и вербального компонентов демотиватора. Чем более далеки друг от друга первичная и вторичная интерпретация, тем сильнее комический эффект этой лингвокогнитивной игры.

В целом можно сказать, что демотиваторы — вполне сформировавшийся жанр Интернет-творчества, который обладает рядом легко определяемых специфических черт. Можно предположить, что через несколько лет демотиваторы перестанут быть актуальным, оригинальным явлением — проще говоря, выйдут из моды, так как образцы этого жанра уже сейчас становятся шаблонными и предсказуемыми. Но динамичность Интернет-моды — одна из главных отличий

тельных черт всех процессов, происходящих во всемирной паутине.

Анализ феномена демотивационных постеров может не только дать представление о социально-культурных и языковых процессах в одной из самых бурно развивающихся коммуникационных сред — Интернете, но и помочь вы-

явить игровые стратегии в современной коммуникации, сделать прогнозы развития этой тенденции в будущем.

Литература

Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы (Часть I). М., 1994.

Парадигмы языкознания и культурные традиции в славянских странах

А. К. Киклевич

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie (Olsztyn, Poland)

Металингвистика, философия языка, научная парадигма, парадигмы языкознания, славянские культуры

Summary. The paper focuses on the interaction between the linguistic paradigms and the cultural traditions of the Slavic peoples. The author examines the development of structuralism in the three Slavic countries: Czech Republic, Russia and Poland. In the Czech Republic there was the famous school of structuralism, which was associated with the need to codification of the Czech language as well as with the development of Czech Modernism and the University of Prague. In Russia, the Communist ideology prevented the development of structuralism, that even in the 60s and 70s was considered a part of the bourgeois lifestyle. In Poland, structuralism has always been a marginal phenomenon, because the Polish culture of the twentieth century was formed under the banner of liberation ideology, in which the crucial role has played philosophy of Romanticism.

В докладе рассматривается взаимодействие парадигм языкознания и в целом — динамики филологического знания, с культурным контекстом, который всегда находится под сильным влиянием национальной традиции. В связи с этим автор анализирует три фактора, воздействующих на предмет лингвистической науки:

- исторический — социально-политическую идеологию, политическую систему, языковую политику и др.;
- этнокультурный — традиционную этническую культуру, например, ее контексто- или знакоцентрический характер (по Э. Холлу);
- сциентичный — общие правила и нормы научной деятельности, принципы поведения в научном сообществе.

В качестве конкретного объекта рассмотрения служит разработка структурной лингвистики в трех славянских лингвистических традициях прошедшего столетия: русской, чешской и польской. Автор показывает, что в случае чешской традиции структурализм занимает исключительно важное положение — неслучайно ведь культивируется термин *чешская* (или вариативно: *пражская*) *лингвистическая школа*. Внимание к структурному подходу здесь объясняется особой ситуацией в Чехии и Словакии, которая сложилась к концу XIX века и началу XX века, а прежде всего концентрацией внимания на кодификации чешского языка и связанными с этим рефлексиями, объектом которых непосредственно стала система языка, а также структура текста. Сциентический фактор проявляется здесь, в частности, в деятельности Пражского университета, а исторический — в экспансии модернизма, который в Чехии был особенно развит в поэзии, ср. «Манифест чешского модернизма» 1895 года.

В русской традиции основы структурализма были заложены формальной школой — в двадцатые годы XX века. Однако исторический фактор нашел отражение в том, что после октябрьского переворота 1917 года на повестке дня оказались вопросы функционирования языка, в частности, лингвистического обеспечения коммунистической пропаганды. Поэтому структурализм в советской России уступает

место антропологической лингвистике: в версии М. М. Бахтина и его круга (особенно В. Н. Волошинова), в версии Н. Я. Марра, а также в позднейшей версии марксистского языкознания. Структурализм в СССР возрождается только в 60-е годы XX века — в определенной степени как явление оппозиционное по отношению к официальной идеологии, диссидентское (на что указывает и эмиграция таких выдающихся структуралистов, как И. А. Мельчук, А. К. Жолковский и др.).

Особую ситуацию (на фоне чешской и русской) представляет польская лингвистическая традиция, в которой ни структурализм, ни вообще — неопозитивизм, никогда не играли существенной роли. И даже Львовско-Варшавская школа аналитической философии, которая, несомненно, представляет наиболее выдающийся вклад поляков в мировую гуманитарную науку, в самой Польше всегда занимала и занимает до сих пор довольно скромное, в принципе — периферийное место. Эта ситуация объясняется действием нескольких факторов, в частности, историческим — разделом Польши и борьбой поляков за независимость. Поэтому польский романтизм никогда не ограничивался литературной, эстетической проблематикой — он рассматривался как философия политической борьбы, как существенный элемент национального мировоззрения. Ничего удивительного, что романтизм до сих пор считается доминирующим направлением в польской литературе.

Особая предрасположенность поляков к эмпирическому, импульсивному стилю мышления проявилась в том, что даже во второй половине XX века, когда структурализм получил в Польше распространение, например, в работах варшавско-торунских исследователей (А. Богуславского, А. Вежбицкой, С. Кароляка, М. Гроховского и др.), структурный анализ языка остался уделом немногих, потому что большинство исследователей обратилось к проблематике культурной и когнитивной лингвистики — достаточно сослаться на широко известную не только в Польше деятельность группы этнолингвистов под руководством Е. Бартминского.

Диалектика флективной и нефлективной морфологии в русском языке начала XXI века

Е. В. Клобуков

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Флективность, нефлективная морфология, аналитизм, агглютинация, дегмамматиализация

Summary. The paper presents essential tendencies in the development of Russian morphological system at the beginning of the XXI century.

1. Типологические координаты русской морфологии. Факторы эволюции флективно-синтетической морфологической системы русского языка на рубеже XX–XXI веков. Аспекты взаимодействия флективной морфологии с нефлективной в рамках одной словоформы.

2. Флективность как особый способ выражения морфологических значений. Соотношение флективности и флексии.

Флексия (окончание) как типичная словоизменяющая морфема в составе русской словоформы. Любая ли словоформа, выражающая словоизменяющие значения, использует для этого флексию?

3. Синтетизм русского языка и его флективность: любая ли русская синтетическая словоформа является флективной?

4. Соотношение синтетизма и аналитизма в русской морфологии (В. В. Виноградов). Широкое и узкое понимание аналитизма. «Аналитическая словоформа» в ее отношении к флективности. Господствует ли в современной русской морфологии аналитическая тенденция? Любая ли нефлективная словоформа имеет отношение к аналитизму?

5. Антиномия агглютинации и фузии (А. А. Реформатский). Фузия и флективность. Соотношение в русской словоформе флективных и агглютинативных аффиксов. Любая ли русская словоформа с агглютинативными показателями отрицает флективность?

Дифтонг? Дифтонгоид? Монофтонг? (о неоднородности [ы] в современном русском языке)

С. В. Князев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Фонетика, монофтонги и дифтонгоиды, формантные переходы

Summary. Russian high mid unrounded vowel [ы] is a monophthong sound in the position between velar consonants, the only one for it in Modern Standard Russian where no FII transition to adjacent velarized consonant is found.

Общеизвестно, что одним из наиболее широко обсуждаемых в русской фонетике является вопрос о фонологическом статусе гласного [ы] и его отношении к гласному [и]; ответ на этот вопрос зачастую служит своеобразным маркером, выявляющим принадлежность ученого к той или иной фонологической традиции. Дискуссия же о собственно фонетических характеристиках [ы] в современном русском языке, хоть и затихает время от времени, но, как ни парадоксально, имеет гораздо более давнюю историю и гораздо менее очевидные решения: если вывод о наличии или отсутствии в фонологической системе фонемы /ы/ обуславливается эксплицитными фонологическими установками, то характер описания звука [ы] как дифтонга, дифтонгоида или монофтонга зачастую не может быть объяснен иначе, чем вкусовыми пристрастиями того или иного автора и до сих пор не подтвержден сколько-нибудь убедительными научными данными.

Начало соответствующей дискуссии можно видеть в высказывании Л. В. Щербы: «Пр. Томсон ([Томсон 1905: 40]. — С.К.) описывает русское *ы* как дифтонг. Это во всяком случае несправедливо по отношению к моему *ы*, да и у других я редко слышал что-либо подобное... Таким образом, отнюдь не сомневаясь в наблюдениях пр. Томсона, я позволю себе все-таки предположить, что оно основано на диалектических, а может даже и индивидуальных отклонениях...» [Щерба 1912: 69–70]. Удивительно, но это едва ли не единственное место в книге Л. В. Щербы, которое вызвало несогласие его учеников, комментаторов (по-видимому, Л. В. Бондарко) переиздания: «Дифтонгоидность русского /ы/, отмеченная А. И. Томсоном, отчетливо видна на динамических спектрограммах, где начальное значение частоты FII довольно низкое (что связано с твердостью предшествующего согласного), а стационарная часть гласного приближается по частоте FII к гласному [и]» [Щерба 1983: XXII — XXIII].

Новый этап дискуссии начинается со второй половины XX в., когда фонетистам стали доступны надежные экспериментальные методы исследования речи. Так, Н. И. Дукельский отмечает, что вырезанные и инвертированные гласные на месте [ы] чаще звучат неоднородно, а последние чаще как [и], чем как [ы], но справедливо указывает и на то, что «результаты прослушивания выделенного из речевого потока отрезка, соотносимого с *ы*, не сопоставимы с данными, которые легли в основы спора о дифтонгоидности или, наоборот, недифтонгоидности *ы* в литературном произношении» [Дукельский 1962: 37, 52]. Л. В. Бондарко [Бондарко 1977: 65] приводит крайне схематизированные изображения формант гласных, из которых следует, что «русское «ы»... имеет дифтонгоидный характер, заканчиваясь *i*-образным элементом» [Зиндер 1979: 208]. Наконец, в одной из настольных книг любого «фонетиста-экспериментатора» отмечается, что на спектрограмме «отчетливо видна дифтонгоидность начала гласного *ы*, у которого явно выражено постепенное повышение второй форманты в начальной час-

6. Тенденция к «деграмматикализации» в современной русской морфологии (Ю. П. Князев). Сближает ли русский язык с языками изолирующего типа наблюдаемое в последнее десятилетие существенное увеличение количества словоформ, выражающих свои грамматические значения не словоизменительными аффиксами этих словоформ, а средствами контекста?

7. Экспансия заимствованных слов и морфологические следствия этого процесса. Разрушаются или же развиваются в результате активного освоения заимствований прототипические грамматические свойства русской словоформы?

ти от 1800 Гц, близкого к значению э, до 2200 Гц, близкого к значению *и* и выше» [Деркач и др. 1983: 28]. Тем самым, вряд ли можно согласиться с М. В. Пановым, отмечавшим, что «большинство фонетистов-экспериментаторов находят дифтонгичность [ы] не большей, чем других гласных в тождественных позициях» [Панов 1967: 43]. Впрочем, действительно не все авторитетные фонетисты разделяют описанную выше точку зрения: так, Г. Фант указывает, что для [ы] значение F₁ составляет 300 Гц, а F₂ — 1480 Гц (для [и] F₁: 240 Гц, F₂: 2250 Гц) [Фант 1964: 112], а М. И. Матусевич приводит для [ы] значения F₁: 200–300 Гц, F₂: 1600–1800 Гц ([и] F₁: 350 Гц, F₂: 2000 Гц) [Матусевич 1976: 92].

Таким образом, основным аргументом в пользу дифтонгоидности [ы] является наличие у него начального переходного участка на динамической спектрограмме (примечательно, что о дифтонгичности или дифтонгоидности [ы] никакой речи не идет ни в самом авторитетном описании русской орфоэпии [Аванесов 1972: 48–50 и все другие издания], ни в работах по преподаванию русского языка как иностранного), а главная проблема при определении формантной структуры [ы] в СРЛЯ заключается в том, что он встречается только в положении после веляризованных согласных (губных и переднеязычных) и, тем самым, подвергается их коартикуляционному воздействию, которое проявляется в понижении F₂ гласного до значения локуса форманты соседнего согласного (то есть, в область ниже 1500 Гц). Отсутствие коартикуляции у гласного возможно в позиции абсолютного начала слова и в соседстве с велярными согласными, но именно в этих контекстах гласный [ы] в СРЛЯ внутри слова не встречается и потому не анализируется. Тем не менее, существует позиция, в которой [ы] возможен после велярного согласного — в словах, начинающихся гласным <и> после предлога *к*. Нами было проведено инструментальное исследование формантной структуры [ы] во фразе *После концерта все отправились к Игорю на дачу* в произношении 18 информантов, носителей орфоэпической нормы СРЛЯ, в возрасте от 16 до 48 лет. На основании полученных результатов можно сделать вывод о том, что в положении между невеляризованными согласными, не воздействующими на формантную структуру гласного, значение F₁ [ы] составляет в среднем 291 Гц, а значение F₂ — в среднем 1530 Гц, а сам гласный, несомненно, представляет собой монофтонг (и даже не дифтонгоид, как, например, [ʲo]), что ясно видно на Рис. 1.

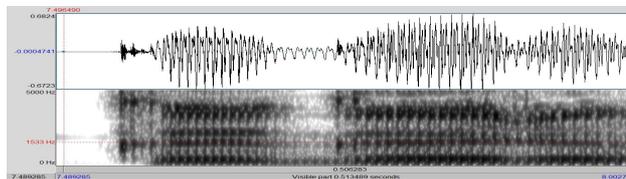

Рисунок 1. Осциллограмма и динамическая спектрограмма фонетического слова *к Игорю*.

Литература

- Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1972.
 Бондарко Л. В. Звуковой строй русского языка. М., 1977.
 Деркач М. Ф., Гумецкий Р. Я., Гура Б. М., Чабан М. Е. Динамические спектры речевых сигналов. Львов, 1983.
 Дукельский Н. И. Принципы сегментации речевого потока. М., 1962.
 Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М., 1979.
 Матусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика. М., 1976.

- Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967.
 Томсон А. И. Фонетические этюды, II. Русские ударенные гласные. Варшава, 1905.
 Фант Г. Акустическая теория речеобразования. М., 1964.
 Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. С.-Петербург, 1912.
 Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. М., 1983.

Транзитивы в славянских языках

М. И. Коношкевич

Гродненский государственный университет имени Я. Купалы (Гродно, Беларусь)

Транзитив, синтаксема, творительный падеж, русский язык, белорусский язык, украинский язык, польский язык

Summary. Transitives in the slavic languages. The paper reveals the comparison of deictic transitives in the Belarussian, Ukrainian, Russian and Polish languages. It is also mentioned that non-prepositional instrumental case with transitive semantics is more frequently used in the Belarussian language.

Как известно, в категории пространственности выделяется несколько субкатегорий: а) локализация в пространстве, представленная локативом (*где*); б) направление движения, представленное директивом-стартом (*откуда*); в) направление движения, представленное директивом-финишем (*куда*); г) трасса прохождения, представленная транзитивом (*каким путем*).

В свою очередь каждая из субкатегорий имеет семантическую дифференциацию. В частности, в русском языке транзитив отчетливо распадается на четыре значения, не получившие однословных терминов, но отмеченные лингвистами по форме выражения: (1) значение 'трасса' + 'преодолеваемая преграда, препятствия' выражается формами винительного падежа с предлогом *через* (*идти через лес*) формами творительного падежа без предлога (*идти лесом*); (2) значение перцептивного движения, отражающего зрительное или слуховое восприятие, выражается формами с предлогом *сквозь* (*проникать сквозь цель*).

Труднее найти принципиальное различие между падежными формами (3) *по дороге* и (4) *дорогой* в словосочетаниях *идти по дороге* — *идти дорогой*. По мнению П. В. Дурст-Андерсена, различие между сообщениями *Они едут дорогой* и *Они едут по дороге* заключается в характере отношения, которое наблюдатель устанавливает между перемещаемым субъектом и пространством. В сообщении *Они едут по дороге* «дорога служит рецептом, моделью езды, т. е. они следуют дороге» [Дурст-Андерсен 2000: 149]. В высказывании *Они едут дорогой* это иное отношение — отношение включения (инклюзии), когда наблюдатель видит субъекта, включенного в пространство как часть в целое, как элемент в множество, как фигура (*они*) и как фон (*дорогой*): «и психологический и логический ход мышления при творительном падеже восходит к отношению фигура-фон, где сопоставляются две несравнимые величины» [Дурст-Андерсен 2000: 144].

Примечательно, что еще А. А. Потебня писал, что «творительный социативный беспредложный в слав. принадлежит к числу падежей, наиболее устаревших и в наибольшей мере заслоненных другими», что он «означает путь движения, на неопределенном протяжении совпадающий с движением» [Потебня 1958: 434–435].

Сопоставляя выражение этого значения в немецком и славянских языках, А. А. Потебня отмечал, что для значения «каким путем» (в другом контексте он даже употребил дейктический транзитив «кудой») «употребление социативного предлога с твор. наименее распространено» [Потебня 1958: 435] в русском и других восточнославянских языках.

Сопоставляя славянские местоименные наречия с указанной семантикой, А. А. Потебня отмечает слияние во многих языках транзитивного и директивного значений: «В русских говорах значение местоименных наречий *куды*, *сюды*, *туды* уже смешалось с *куда* и *пр.*, так что обе формы ставятся безразлично, или одна вытеснила другую, присвоив себе ее значение, напр. „иди сюда (сюды) ко мне“ и „обойти сюда“ (этой стороной)». Но, вероятно, формы на *ы* суть тв. п. мн. ч., причем ответом на них сначала мог служить только твор. (полям), а не винительный (в поле). На укр. наречия

кудою, *сюдою*, *тудою* можно смотреть как на восстановление такого значения, еще явственного в чеш. *kady* и *kudy*... В польск. ...*kędy* уже зн. и «где», и «куда», а не «кудою...» [Потебня 1958: 437–438].

Наблюдения А. А. Потебни о свертывании дейктических транзитивов в русском языке подтверждаются. Если в Словаре В. И. Даля указание на дейктические транзитивы еще содержится в статьях, посвященных лексемам *туда* и *сюда*: «**Тудою** нар. той стороной, тем путем, дорогой. **Сюдою** поближе, а **тудою** дорога получше» [Даль 1956: 440]. «**Сюдою** юж. зап. Этой стороной, дорогой, сим путем. **Сюдою** иди, там не пройдешь» [Даль 1956: 382], то в словарях современного русского литературного языка дейктические транзитивы *кудой*, *тудой* отсутствуют.

Совсем иная жизнь этих лексем в белорусском языке. Отмеченные в свое время Е. Ф. Карским как типичные для белорусского языка, они обнаруживают высокую активность почти во всех функциональных разновидностях современного белорусского языка, а стихия Интернета изобилует контекстами с этими наречиями. Наблюдается и системность в пополнении этой группы. На сегодня в белорусском языке зафиксированы следующие дейктические транзитивы: *кудой / кудою, сюдой / сюдою, тудой / тудою, кудэй / кудэю, тудэй / тудэю, сюдэй / сюдэю, кудэма, сюдэма, тудэма, тудэма-сюдэма, нікудою, ня будзе кудой*, причем их употребление возможно в вопросительной, указательной, относительной и отрицательной функциях.

Примеры употребления аналогичных дейктических транзитивов имеются и в украинском языке, хотя нормализаторами украинского языка эти единицы отмечаются как областные: *Тудою* плвли тумани (Иван Нечуй-Левицкий); *Сюдою* тривоги бігли (Ганна Баривнок); *Кудою* йти, кудою вертається (Степан Руданський); *Сього переходу через річку Камінку бо обминути нікудою не могли* (Интернет).

В польском языке транзитив (в терминологии полонистов — перлатив) *kędy* еще указывался в словарях как устаревший [Słownik języka polskiego 1978], однако в более новых словарях современного польского языка [Słownik współczesnego języka polskiego 2001]; [Uniwersalny słownik współczesnego języka polskiego 2003] в качестве дейктического перлатива подается уже лексема *kturendy*. Активна она и в Интернете: *Niemają kturendy chodzić, bo jakieś debile parkują na chodniku. Nic nie pamiętam, ani kturendy jechałem, ani jak długo; Jak mogą tanio, szubko i kturendy najlepiej jechać do polski z wyspy?*

Наши наблюдения свидетельствуют, что в белорусском языке более активны и знаменательные транзитивы в творительном падеже без предлога (*идти лесом*), даже в таких контекстах, которые в русском языке без предлога некорректны; ср. оригинальный и переводной контексты из романа В. Короткевича «Колося под серпом твоим»: *Яна проста прайшла лоджыяй і спуцілася сходамі ў парк. — Она просто прошла лоджией и спустилась по ступенькам в парк.* Было бы некорректно: *спустилась ступеньками.*

В докладе приводится одно из возможных объяснений живучести дейктических и более широкого распростране-

ния знаменательных беспредложных транзитивов не только в белорусском языке, но и в русской речи белорусов.

Литература

- Дурст-Андерсен П. В. Предложно-падежная система русского языка. Понятие контакт vs. неконтакт // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М., 2000. С. 135–151.
Потебня А. А. Из записок о русской грамматике. Т. I–II. М., 1958.

- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. IV. М., 1956.
Słownik języka polskiego / Red. nauk. prof. dr Mieszysław Szymbas. T. 1. Warszawa, 1978.
Słownik współczesnego języka polskiego / Red. nauk. B. Dunaj. T. 1. Warszawa, 2001.
Uniwersalny słownik współczesnego języka polskiego / Red. prof. S. Dubisza. T. 1. Warszawa, 2003.

Процессы синтаксической аттракции

Б. Ю. Норман

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

В современных славянских языках имеют место многообразные процессы, направленные на сокращение синтаксической структуры высказывания. Эти процессы имеют разный вид и называются по-разному (контракция, аттракция, стяжение, свертывание, универбация и т. п.). Примерами могут служить такие факты, как рус. *подать заявление на участие в конкурсе* — *подать заявление на конкурс* — *подать на конкурс*, *выиграть первенство Европы* — *выиграть Европу*, *курсы повышения квалификации* — *курсы квалификации*, *страны третьего мира* — *третьи страны*, *химическая завивка* — *химия*; болг. *среща, при която се раздават автографи* — *среща автограф*, *пакет със суха храна* — *сух пакет*, *стоки с намалени цени* — *намалени стоки*; польск. *biuro kadr* — *kadry*; *nagroda Nobla* — *Nobel*, *Liceum Ogólno-*

kształcące im. Cervantesa — *Cervantes*, *wyniki badań krwi* — *wyniki krwi*, *piłka koszykowa* — *koszykówka* — *kosz* и т. п.).

Все эти факты имеют универсальное основание — прежде всего в них реализуется тенденция к экономии речевых усилий. Кроме того, они соответствуют стремлению говорящего уплотнить информацию в пределах знака.

Своеобразие же этих процессов в каждом языке определяется, во-первых, системой кодифицированных (стандартных) типов словосочетаний, во-вторых, закономерностями номинации, в-третьих, словообразовательными возможностями каждого языка. Нельзя также не заметить, что данные процессы приводят к окказиональным сдвигам в лексических значениях, которые могут со временем кодифицироваться и закрепляться в словарях.

Г. А. Золотова и М. А. К. Холлидей:

функционализм как системный подход в современной лингвистике

М. Ю. Сидорова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Summary. The aim of this paper is to answer the question what do modern linguistic theories labeled as “functional” have in common? Two influential grammatical paradigms are examined: systemic functional grammar by M. A. K. Halliday and his followers in Western linguistics and communicative functional grammar developed in Russian linguistics by G. A. Zolotova and her school.

В докладе обсуждаются параллели между системно-функциональной лингвистикой М. А. К. Холлидея и коммуникативно-функциональной грамматикой Г. А. Золотовой. Эти параллели обнаруживаются как в теоретическом осмыслении языковой системы и ее функционирования в реальных коммуникативных ситуациях, так и в методах и результатах лингвистического анализа текста, в том числе художественного. Выясняется, что обе рассматриваемые грамматические теории являются не только функциональными, но и в полной мере системными и коммуникативными.

Сопоставление концепции М. А. К. Холлидея и выросшей из нее системно-функциональной лингвистики, формулирующей в качестве своей задачи изучение взаимодействия языковых структур с культурным и коммуникативным контекстом, с коммуникативно-функциональной грамматикой Г. А. Золотовой демонстрирует, что им в равной степени присущи пять принципов современного грамматического анализа (антропоцентричность, интегральность, текстоцентричность, функциональность, коммуникативность), сформулированные Н. К. Онопенко. Это находит отражение в терминологических совпадениях (использование термина «регистр», хотя и в разных значениях); в осмыслении лексики и грамматики как единого языкового уровня — *lexicogrammar*; в «ступенчатом» анализе текста, соединяющем план конкретных языковых единиц с жанровым планом, стратегией автора и коммуникативной ситуацией; в обнаружении собственно лингвистических оснований классификации тек-

стов. Путем сравнения методики и результатов анализа художественного текста в исследовании М. А. К. Холлидея, посвященном роману У. Голдинга «Наследники», и в работе М. Ю. Сидоровой о романе М. Булгакова «Белая гвардия» можно убедиться в том, насколько близки задачи и логика описания и объяснения языка, независимо сложившиеся в двух рассматриваемых концепциях.

Однако на Западе теория М. А. К. Холлидея получила более разнообразные практические применения, чем грамматика Г. А. Золотовой в русскоязычном лингвистическом пространстве. Из системно-функциональной грамматики (лингвистики) вырос многофакторный анализ Д. Байбера (D. Viber), легший в основу формирования и исследования англоязычных (и не только) корпусов. Она успешно используется для обучения языку (в том числе в средней школе); для анализа письменных и мультимедийных текстов. Напрашивается вывод о том, что расширение применения коммуникативно-функциональной грамматики Г. А. Золотовой в сфере практической филологии также было бы продуктивным. Возможности такого применения для повышения квалификации переводчиков, школьных учителей и «технических писателей» демонстрируются в докладе.

Литература

- Halliday M. A. K. Linguistic function and literary style: An inquiry into the language of William Golding's *The Inheritors* // *Literary Style: A Symposium* / Ed. Seymour Chatman. Oxford, 1971. P. 330–368.
Сидорова М. Ю. Грамматика художественного текста. М., 2001.

Problem opisa gramatičke norme

М. Alerić

Sveučilište u Zagrebu (Zagreb, Hrvatska)

Standardni jezik, gramatička norma, opis gramatičke norme

Summary. Problem description of grammatical norms. The paper explores the parts of normative grammar of the Croatian standard language in which grammatical norms is not clearly defined and explained, and as a result has an uncertainty in their explanation, mastering and applying.

Gramatička norma navedena u normativnoj gramatici podrazumijeva utvrđivanje i opis jezičnih činjenica standardnoga idioma

ponajprije na fonološkoj, morfološkoj i sintaktičkoj razini. Opis gramatičke norme treba biti razumljiv, jednostavan, jednoznačan

(nedvosmislen) i jasan, a može se oslanjati i na jezične sustave organskih idioma sadržane u imanentnim gramatikama. U opisu gramatičke norme treba biti jasno utvrđeno što gramatičkoj normi pripada, odnosno što jest u skladu s gramatičkom normom, a što gramatičkoj normi ne pripada, odnosno što nije u skladu s gramatičkom normom.

U radu se istražuje opis gramatičke norme u tri normativne gramatike hrvatskoga standardnog jezika: u [Florschütz 1916]; [Barić i dr. 2003]; [Silić, Pranjkovića 2005].

U navedenim se normativnim gramatikama utvrđuju dijelovi u kojima gramatička norma nije jasno utvrđena i / ili objašnjena,

zbog čega se javlja nesigurnost u njihovu tumačenju, odnosno mogućnost njihova različitoga tumačenja, a to izravno ili neizravno utječe na nesigurnost u njihovu ovladavanju i njihovoj primjeni te na nestabilnost tih dijelova gramatičke norme, kao i nestabilnost gramatičke norme u cjelini.

Literatura

Florschütz J. Gramatika hrvatskoga jezika. Zagreb, 1916.

Barić E. i dr. Hrvatska gramatika. Zagreb, 2003.

Silić J., Pranjković I. Gramatika hrvatskoga jezika. Zagreb, 2005.

Pitanje podjele slavenskih jezika u klasifikacijama indoeuropskih jezika

B. Barčot

Sveučilište u Zagrebu (Zagreb, Hrvatska)

Summary. The subject of this paper is the question of the Slavic languages and how they are divided into branches within the Indo-European family of languages. The first part deals with the classifications of natural languages, e. g. genetic, typological and areal classification in general, in order to explain various perspectives that the linguists have had in their approaches to this subject. Furthermore, the paper aims to analyze and to compare five different theories (by G. Holzer, F. V. Mareš, H. Birnbaum, R. Matasović and Ž. Muljačić).

Činjenica da se jezici u svijetu procjenjuju na brojku koja varira između 3000 i 6000, samo se po sebi razumije da tolika količina jezika zahtijeva grupiranje. To grupiranje jezika, odnosno *klasifikacija jezika*, može biti: genetska, tipološka i arealna.

Dva su jezika genetski srodna ukoliko su se razvila iz zajedničkoga prajezika. A jezičnom porodicom nazivamo skup svih jezika za koje postoji dokaz da su se razvila iz istoga prajezika. August Schleicher je polovicom 19. st. razvio *Stammbaumtheorie* (model genealoškog stabla) prema kojoj je u koriženu genealoškog stabla jezik-predak određene porodice, a svi su jezici te porodice njegovi jezici-potomci. Govorimo li o pretcima i potomcima, svakako se nalazimo na vremenskoj osi. Njemački lingvist Johannes Schmidt ponudio je 70-ih godina 20. st. alternativu genealoškoj teoriji jezika. Njegova *Wellentheorie* (teorija valova) je prostorni model prema kojem se jezične promjene šire poput valova iz središta na sve veći prostor. Prema teoriji valova zadatak je genetske lingvistike pravilno ucrtavanje izoglosa na zemljopisnoj karti, a skupovi se izoglosa povezuju u svežnjeve ili snopove.

Tipološka klasifikacija jezika je razredba jezika prema njihovim strukturnim značajkama. Ovakva je podjela potpuno neovisna o podrijetlu jezika — iako su genetski povezani jezici često i tipološki slični. Wilhelm von Humboldt je početkom 19. st. podijelio jezike prema njihovoj morfologiji na izolativne, aglutinativne i flektivne, ali najslavnije i najplodnije je tipološko razvrstavanje predložio Joseph Greenberg 1963. g. Njegova podjela uzima u obzir osnovni red riječi u jeziku.

Treća klasifikacija jezika je tzv. arealna. Tu se radi o jezicima koji međusobno nisu genetski srodni, ali imaju iznimne zajedničke značajke. Takvi jezici tvore jezično područje, tj. *Sprachbund*, a lingvisti su utvrdili nekoliko takvih jezičnih područja među kojima je i Balkan.

Početak genetskog proučavanja indoeuropskih jezika počinje s Williamom Jonesom u drugoj polovici 18. st. W. Jones otvara put Franzu Boppu koji 1816. istražuje gramatičke podudarnosti u konjugaciji indoeuropskih jezika. Schleicherov model jezičnoga stabla je jedan od osnovnih razloga za pretpostavku balto-slavenskog jedinstva koje je prethodilo razdoblju prabaltičkog i praslavenskog, a upravo je to balto-slavensko jedinstvo 1908. g. A. Meillet doveo u pitanje smatrajući da je razlog sličnosti u baltičkim i slavenskim jezicima jednostavno njihov paralelni razvitak, a nikako zajednički prajezik. Ruski lingvistički dvojac V. V. Ivanov i V. N. Toporov, a s njima se slažu i istaknuti hrvatski jezikoslovci D. Brozović i R. Matasović, smatraju balto-slavenske jezike jedinstvenom granom koja se dalje dijeli na tri manje: istočnobaltički jezici (litavski i latvijski), zapadnobaltički jezici (staropruski i jatvinški) i slavenski jezici.

Gotovo je svaki ugledniji slavist dao svoju raščlambu slavenskih jezika, no ovaj rad ne pretendira obuhvatiti sve izvore. Intencija je prikazati stavove nekoliko istaknutih jezikoslovaca: G. Holzera, F. V. Mareša, H. Birnbauma,

Ž. Muljačića te R. Matasovića čija je *Poredbenopovijesna gramatika hrvatskoga jezika* iz 2008. g. i bila poticaj za bavljenje pitanjem podjele slavenskih jezika.

Zanimljivo je da G. Holzer, austrijski slavist i indogermanist, u uvodnom dijelu svoje *Historische Grammatik des Kroatischen* iz 2007. g. govoreći o slavenskim jezicima, spominje južno-slavenske, istočnoslavenske jezike, dok za uobičajeni termin *zapadnoslavenskih jezika* upotrebljava termin *Nordslavisch*, tj. *sjevernoslavenski*. Prema G. Holzeru se premalo zna o redosljedju pojavljivanja najstarijih promjena tako da južno-slavenski jezici ostaju samo geografski definirana veličina, a ne genetsko svrstavanje u porodice.

Češki slavist F. V. Mareš je 1980. g. donio originalnu klasifikaciju slavenskih jezika, tzv. tetrahotomiju i dvostruku dihotomiju. U svome članku *Die Tetrachotomie und doppelte Dichotomie der slavischen Sprache* autor nam donosi kratki pregled razvoja raznih koncepata klasifikacije slavenskih jezika. Autor daje kritiku tih koncepata te predlaže korekturu, a potom predlaže svoju podjelu slavenskih jezika na: 1. jugoistočno-slavenske jezike (bugarski, makedonski); 2. jugozapadno-slavenske jezike (srpskohrvatski, slovenski); 3. sjeverozapadno-slavenske jezike (češki, slovački, gornjolužički, donjolužički, poljski); 4. sjeveroistočno-slavenske jezike (ukrajinski, ruski, bjeloruski). Mareš smatra tetrahotomiju kao tipološku klasifikaciju opravdanom. To potvrđuje i navođenjem srodnosti po skupinama, a pokazuje i kako je ovaj model i genetski motiviran jer su sve sinkronijske, tj. tipološke značajke, zapravo i historijske (a neke ujedno i genetske). Njegove su dihotomije horizontalna os, tj. Sjever-Jug, te vertikalna os, tj. Istok-Zapad. Unatoč predloženim klasifikacijama F. V. Mareš drži kako slavenski jezici svejedno tvore kružni lanac (*«eine kreisförmige Kette»*). To je potvrda da se njegov stav ne protivi stavu O. Kronsteina i njegovom kružnom modelu.

Hrvatski jezikoslovac Ž. Muljačić u članku *Model rodoslovnog stabla* iz 2000. g. razglaba o toj teoriji analizirajući situaciju ne samo slavenskih već i romanskih jezika. Najzanimljiviji je dio u članku iz perspektive ovoga rada svakako Muljačićev pregled važnijih genetičkih, pretežno genetičkih / pretežno negenetičkih i negenetičkih kriterija.

U genetskoj klasifikaciji jezika redovito se uzimaju u obzir samo kvalitativni, a ne i kvantitativni odnosi. Potvrda za to je da se južnoslavenski uzima kao veličina ravnopravna istočnoslavenskomu što nije slučaj jer je južnoslavenskih zajedničkih izoglosa vrlo malo. Kada se spominju južnoslavenski jezici, mora se spomenuti i problem tzv. srednjojuznoslavenskoga, ali taj je problem zasebna tema o kojoj se ovdje neće raspravljati. Termin *srednjojuznoslavenskoga dijalektala* skovao je D. Brozović, a on obuhvaća skup dijalekata koji su na različite načine tijekom povijesti bili u međusobnoj interakciji i među kojima granice nisu posve jasne, a radi se o prajeziku iz kojeg su se razvili svi idiomi između slovenskoga i istočnojužnoslavenskoga (bugarsko-makedonskoga).

H. Birnbaum raspravljaјуći o dva osnovna smjera u jezičnom razvoju (*О двух основных направлениях в языковом развитии*) govori kako su posljednjih desetljeća predmet žive rasprave dva termina koja se uzajamno nadopunjuju — radi se o *divergenciji* i *konvergenciji*. Ove dvije oprečne tendencije razvoja zapravo leže u osnovi diferencijacije genetski srodnih jezika i u osnovi integracije tipološki bliskih jezika, a koji se određuju na osnovi prostornih kriterija. Pojam divergencije se zapravo malo po čemu razlikuje od termina rodoslovnog, genealoškog stabla. I divergencija u suštini podrazumijeva jedan

izvor, tj. prajezik. S druge strane, konvergencija bi se poklapala s pojmom *Sprachbund*, tj. jezičnog saveza. Važnost Birnbaumova teksta iz perspektive ovoga rada jest bavljenje trima klasifikacijama, tj. genetskom, tipološkom i arealnom.

Iz svega ovoga jasno je da se ovo mnoštvo hipoteza nikako ne može svesti pod isti nazivnik. To je ujedno i pokazatelj zanimljivosti i aktualnosti teme o kojoj će se zasigurno i ubuduće raspravljati i pisati, a posebno će biti zanimljivo kada se u slične analize uključe crnogorski i bošnjački jezik jer će to značiti novo preispitivanje klasifikacije slavenskih jezika.